

Александров А. С.,
доктор юридических наук,
профессор Нижегородской академии МВД РФ

Новая теория доказательств

Aleksandrov A.S.,
Doctor of Law, Professor
Nizhegorod academy of the MIA of RF

A new theory of evidence

Бог: Может быть, и в истине, кроме истины, есть что-то еще?
Жена Лота: В истине, кроме истины, всегда есть что-то еще.
Вырыпаев И. Бытие № 2.

Начну статью с изложения когнитивной программы новой теории судебных доказательств. При когнитивном подходе существенно меняется представление о сознании, о восприятии, о познании, о субъекте в целом. Противоречие между идеализмом и материализмом по поводу реальности, если не снимается, то утрачивает актуальность. То, что реальность существует на самом деле - не отрицается: субъект познания имеет дело с реальностью. Вместе с тем познающий субъект «вырезает» из реальности только то, что соотносимо с его деятельностью, направленной на приспособление к этой реальности. Знание приобретает не пассивно через органы чувств или средства коммуникации, знание активно строится действующим субъектом взаимодействующим с объективностью. Субъект познания и объект его познания составляют единую систему, взаимно детерминируют друг друга. Классическая схема «субъект-объект» приобретает вид «субъект-структура-объект». Не существует предметов знания, которые были бы независимы от субъекта. Новая теория постулирует когнитивную структуру и объясняет через нее явления «уголовно-процессуального доказывания».

Знание есть порождение понятийных структур и схем восприятия и действия. Все наши знания об окружающем мире носят приблизительный

характер, и их достоинство определяется их способностью дать нам лучше приспособиться к условиям существования. Искажение информации в ходе взаимодействия субъекта с реальностью носит объективный характер. Уже в процессе предшествующей осознанию часть информации неизбежно теряется, она отсеивается нашим когнитивным аппаратом как излишняя. Это происходит благодаря фильтрам восприятия: нейрофизиологическим, социальным, индивидуальным. Функционирование фильтров восприятия, генерализация, опущение, искажение информации в ходе формирования когнитивных структур приводит к неустранимому расхождению между «сырой» реальностью и реальностью-для-субъекта, которая только и имеет смысл для каждого из нас, поскольку именно в ней проходит жизнь человека во всех ее проявлениях. Знание о явлениях реальности - это не их отражение в сознании, а скорее, реконструкция, «понимание» ее адекватно выживанию. Все это справедливо и применительно к уголовному процессу, как одному из сегментов когнитивной деятельности людей.

Нельзя принять распространенную метафору «отражения», служащую методологическим базисом для теории объективной истины [1]. Познание – это приобретение и осваивание (переработка) человеком по определенным схемам, моделям информации как из внешней, так и внутренней среды с целью адаптации к реальности. Адаптация – способность живых организмов активно искать (или создавать) благоприятные для жизни условия, используя информацию о состоянии окружающей реальности и собственного организма. Когнитивные механизмы можно рассматривать как один из значимых факторов адаптации организмов к их среде обитания. Человек мыслящий есть система контуров обратной связи, которая включена в качестве элемента в большие внешние системы. Выживание и адекватное поведение человека обеспечивается его постоянной «настройкой» своей системы в ответ на изменение параметров среды (как внешней, так и внутренней). Для адекватного взаимодействия с реальностью человеку важно извлекать из среды не столько исчерпывающе полную информацию, сколько значимую в соответствующем контексте.

Познание реальности осуществляется не путем отражения значимых объектов, связей и отношений между ними, а посредством конструирования полезных моделей реальности, фиксирующих контекстуально значимые ее элементы и структуры. Знание надо рассматривать не с точки зрения дихотомии «правильное-неправильное», а как полезное или вредное для социально-биологического организма, включенного в систему контуров обратной связи с окружающей его средой. Поскольку ценность знания определяется его способностью дать адаптироваться к окружающей среде, постольку и уголовно-процессуальное ценно своей способностью наилучшим образом позволить обществу адаптироваться к реальности.

Замена понятия «истинность» понятием «жизнеспособность» является принципиальным. Целью познания является не объективность, а приспособление. «Полезным» является то знание, которое поддерживает жизнеспособность системы. Такова и «судебная истина» – она инструмент адаптации индивида и общества к окружающей среде. Следует говорить не об истинности судебного решения, а о его способности выполнять функцию урегулирования правового конфликта, стабилизации системы. И если судебный приговор разрушает солидарность общества, раскалывает его, противопоставляет власть народу, то содержащееся в нем знание является неверным. Суду надо стремиться познать не объективную истину, а найти оптимальное решение в заданных обстоятельствах, такое решение, которое объединяет нацию на чувстве общности и укрепляет социальную структуру [2].

К сказанному нельзя не прибавить того общего соображения, что ни одно знание не является единственным в своем роде. И наш подход не единственно возможный способ разрешения теоретико-познавательных проблем. Это вероятный способ решения проблем теории уголовно-процессуальных доказательств. Достоинство когнитивного подхода в том, что он игнорирует междисциплинарные барьеры и складывается из целого ряда научных областей знания: антропологии, нейрофизиологии, лингвистики, синергетики, психологии, кибернетики. Данные этих наук подтверждают наличие, условно

говоря, «когнитивных структур» нашего сознания. Экспериментально установлено, что данные чувственного опыта могут быть восприняты, осмыслены, поняты благодаря имплицитным структурам сознания, включающим множество априорных знаний о мире. Картирование мозга показывает: мозг принимает решение примерно за 30 секунд до того, как вы об этом узнаете, а решение принимается задолго до того как начинается его обсуждение. В нейронной системе свободы нет. То есть подтверждается тезис о своего рода безсубъектности [3]. Свобода воли – иллюзия. Она не является причиной наших действий, но сопутствует им [4]. Так что надо пересмотреть такие понятия, как «внутреннее убеждение», «свобода оценки доказательств», «доказательство» и другие базовые положения доказательственного права, связанные с классическими представлениями о субъекте, о «внешней реальности», о критериях достоверности знания.

Теперь, когда экспериментально доказана несостоятельность локковской «чистой доски» [5], выяснилось, что сенсорные данные «падают» не на чистое сознание, они записываются на сложную «знаниевую» структуру; подтвердилась и огромная роль скрытых, неявных знаний, как выраженных, так и не выраженных в языке, но хранящих в себе опыт [6]. Сенсорная информация неполна и недостаточна для определения поведения индивида и предметного смысла сенсорных данных. Представления субъекта фиксируются знаковыми структурами, именно они позволяют «видеть» невоспринимаемое и вносить определенность при интерпретации чувственных данных.

Неправильно утверждать, что субъекты уголовно-процессуального доказывания оперируют информацией или что доказательства – это информация. Чувственные данные сами по себе не формируют в сознании представления об объектах реальности. Знание о мире предоставлено в сознании не в виде необработанных данных, но в существенно преобразованной форме, т.е. в виде некоторых структур. Уже на этапе восприятия происходит преобразование информации, т.е. «обнаружение» и «собираение» доказательств – это уже не чисто информационный процесс;

именно «проинтерпретированная информация» составляет содержание доказательств.

При выработке нового представления о доказательстве методологически важно определить разницу между такими понятиями как информация, смысл, знание [7]. Когнитивный подход позволяет внести ясность в эту проблему. Понятие информации безотносительно к ее ценности и смыслу не подходит для объяснения доказательства. Доказательство – это процедурное знание [8], но не просто информация. Когда существенен учет ценности и смысла информации, а не только ее количества, тогда нужно говорить уже о смыслах. Поэтому для определения уголовно-процессуального доказательства применимо понятие факт. «Факт» есть информация, преобразованная посредством когнитивных структур, т.е. осмысленная, проинтерпретированная, структурированная информация. Факт – это знание, в котором неизбежно наличествует искусственный, человеческий, субъективный элемент, вносимый языковыми и другими когнитивными структурами, существенно трансформирующими «исходную информацию».

В иных понятиях следует объяснить природу связи между когнитивным знанием и событием преступления. Вместо принятого в криминалистике понятия «след» предлагается понятие «знак». Субъект познания «считывает» значение знаков по когнитивной программе. В зависимости от того, как понимается структура знака: двоичная или троичная [9] можно трактовать и структуру доказательства. Если исходить из того, что знак составляет двуединство означающего и означаемого, то источник доказательства есть означающее, а само доказательство – означаемое. Доказательство – результат не только тех последствий, которые произвело событие преступления в мире, но и результат восприятия, переработки, репрезентации в сознании этих последствий субъектом доказывания. Если след характеризует объект-объектную сторону процесса формирования доказательства, то знак – объект-субъектную.

В настоящее время следует говорить о наличии в процессе «досудебных доказательств» и «судебных», ибо уголовное дело может быть разрешено только на основе и тех и других [10]. Встает вопрос о несовершенном статусе «досудебных доказательств». Эти «фактические данные» вполне пригодны, чтобы раскрыть преступление, изобличить преступника, предотвратить совершение нового преступления, но они не составляют полного знания, поскольку не вполне обеспечивают адаптацию общества к окружающей среде – борьба с преступностью не является самоцелью уголовного процесса, и, стало быть – доказывания, есть еще самое главное – защита прав личности. Только когда в полной мере доказыванием охватываются обе эти составляющие, достигнутое знание допускается как истинное/справедливое, т.е. способствуют единению власти и общества.

Тема дуалистичности доказательства имеет продолжение в вопросе о конструктивном значении понятия «источник доказательства». Источники доказательств представляют собой то, в чём могут содержаться доказательства. Из них стороны, суд в установленном законом порядке получают факты – посредством истолкования смысла, содержащейся в них информации. То, что называют «исходной информацией», т.е. данные чувственных восприятий, эмпирические данные, следует отнести к источнику доказательств. Само же доказательство – это не просто сведение, а знание, что уже включено в процесс доказывания, стало процедурным знанием, т.е. уже отобрано, проинтерпретировано, истолковано согласно «партийности» субъекта доказывания, который использует факт в качестве средства выстраивания своей версии события, т.е. реальности-для-себя, в правдоподобии которой он убеждает суд, т.е. стремится сделать ее реальностью-для-аудитории.

Если источник доказательства один, то доказательство не является одним и тем же на досудебном и судебном производстве. Содержание доказательства – этот тот смысл, который получен в ходе интерпретации данных из источника: документа, показаний свидетеля и пр. Что касается объяснения причины неопределенности информационного содержимого «источника

доказательства», которое распространено на практике (противники нередко интерпретируют одно и то же доказательство противоположным образом), то оно состоит в тех когнитивных структурах, через которые интерпретируют содержимое источников сведений. Сведение, содержащееся в источнике доказательства, существует в контексте позиции субъекта, его аргументации, конкретного довода, а те в свою очередь сильны своими структурными связями, которые задействуются в ходе интерпретации. В состязательном процессе интерпретационный элемент развивается до партийной пристрастности сторон, достигает острой фазы кризиса и снимается тем, что суд отдает предпочтение наиболее правдоподобной, сильной интерпретации. Последовательное движение от данных внешнего опыта к его идеологическому освоению в виде определенной системы смыслов составляет суть формирования аргумента. Через диалоговые структуры, воспроизводимые уголовно-процессуальным правом, происходит понимание, реконструкция события, ставшего предметом доказывания, а не снимается калька с него. Результатом доказывания является юридический факт, основание уголовной ответственности – это знание, являющееся проекцией сложной юридической деятельности, несущей на себе печать и личности субъектов, и особенности социально-культурного контекста. На восприятии и оценке судом рассказов сторон о преступлении и наказании сказывается некая величина, характеризующая баланс сил в обществе. Получается, что субъекты доказывания доказывают истину фактами, но используют при этом источники доказательств, которые могут быть обоюдоострым оружием в борьбе за истину.

Значение состязательности состоит в том, что она запускает механизм смены контекстов, борьбы интерпретаций. Состязательность более эффективно актуализирует когнитивные структуры модели, схемы: если в следственном процессе это происходит в одностороннем порядке, то состязательный режим судопроизводства позволяет определять сравнительную силу доказательств в контексте как минимум двух позиций, интерпретаций: обвинения и защиты. Кризис смысла сообщений дает нам способность воссоздавать инвариант

события, достигая тем самым большей объективности в его познании. «Объективное знание» – это не копия в сознании субъекта события действительности, а его модель, которую субъект выстраивает в тесной связи с социокультурными предпосылками, традициями, оно не исчерпывается сенсорной информацией, а апробировано в прошлой практической деятельности. «Истинное знание» – это предположение, наилучшее из доступных нам на данном этапе историко-культурного развития. Важнее практическая полезность и перспективность данного знания, а не его адекватность реальности. Судебная истина исторична. В каждую культурно-историческую эпоху свои критерии правосудности приговора, которые частично формализуются в стандартах законности, обоснованности, мотивированности судебного решения. Но большая часть коренится в когнитивной структуре, неявно определяющей убеждение судьи в истинности, справедливости знания, полученного в суде.

Существует когнитивное объяснение так называемых «неустранимых сомнений» (статья 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ УПК РФ): через «когнитивные цензоры», интеллектуальные аналоги фрейдовских эмоциональных цензоров. Не будь этих цензоров, мы не смогли бы ни говорить, ни мыслить. Так что «разумное сомнение» - это результат срабатывания когнитивных цензоров в сознании судьи (присяжного заседателя).

Гуманитарная наука, в отличие от естественной, открывает иные когнитивные структуры в их соотношении с языком, психологией и телесностью субъекта. И в свою очередь, для уголовно-процессуального доказывания, несомненно, существуют свои специфические когнитивные структуры. Именно когнитивные структуры составляют особый предмет анализа новой теории доказательств, в этом ее отличие от классической теории.

В качестве когнитивных структур называют паттерны, репрезентации, конструкторы, фреймы, скрипты, сценарии, нозмы, гелштальты, «кванты структурированного знания» и пр. Дело не в названиях когнитивных структур.

Главная мысль заключается в том, что мы мыслим схематично: по когнитивным схемам, программам, картам. Когнитивная сфера представляет собой некую динамическую структуру обработки информации. Эта сфера является переходной между миром идей и миром вещей. Именно когнитивные структуры выступают необходимой предпосылкой для осуществления интерпретации исходных чувственных (сенсорных) данных, не являющихся знанием до их понимания и истолкования, т.е. до тех пор, пока им не будут заданы предметные смыслы.

О когнитивных структурах уголовно-процессуального доказывания можно сказать следующее. На субъективном уровне структурирование знания происходит посредством нарративности. Уголовно-процессуальное доказывание имеет нарративную природу, в подоснове познания и обоснования предмета доказывания лежит схематизм повествования. Рациональность основывается на нарративном понимании, присущего созданию и восприятию нормы, ибо она постоянно заимствует что-то у этого понимания, чтобы конструировать саму себя [11]. Под «рассказом» подразумевается то, что дело, содержание доказательства представлено когерентно, а для большинства из нас, когерентность означает «полный рассказ». Полнота рассказа состоит в том, что он должен соответствовать укоренившимся верованиям об обычных причинах и следствиях в человеческих делах, она должна быть основана на разумных обобщениях относительно развития событий. Рассказ обвинителем или защитником об обстоятельствах дела не является зеркальным отражением реального события. Нарративная структура речевых конвенций, вероятно, выступает как некоторая риторическая и идеологическая модель референции, не имеющая прямого отношения к объективной действительности, но оказывающая влияние на производство истинного знания в суде. Нарратив является форматом, который определяет, к какому виду должна быть приведена информация, чтобы можно было дать ей непротиворечивую интерпретацию; при этом другая информация будет либо игнорироваться, либо вести к бессмысленным результатам. Нарратив – это когнитивная канва доказывания,

глубинная структура, предопределяющая логическую структуру, формальную правильность (допустимость), этическую корректность.

Нарративный формат предполагает связь контента с определенным набором стилистических средств. Видимо, в принципиальном плане повествование о преступлении и наказании может быть или монологичным, или диалогичным. Это основа для жанрового разнообразия. Формат жанра связан с определенными типами построения целого, типичностью композиции, типами отношения говорящего к другим участникам, т.е. можно говорить об определенном тематическом и стилистическом единстве. Типологию можно распространить на сюжетные линии, роли участников процесса, поскольку жанр характеризуется типическими композиционно-жанровыми формами завершения.

Состязательный нарратив – это судебная драма. Следственный нарратив – это следственный протокол, в подоснове монолог власти, которая не нуждается в ответной реакции аудитории. Рассказ следователя о том, что было, ведется в жанре протокола, который и служит для судьи источником знания о преступлении и преступнике. Досудебная драма, драматический эффект в принципе невозможны при следственном нарративе, поскольку он развивается не через диалог, а главное при нем игнорируется аудитория. Между тем, наилучшим средством адаптирования общества и отдельных его членов к условиям существования является спектакль, игра, т.е. судебная драма.

Судебная криминальная драма – это жанр, производный от судебной речи, рода публичной речи. Данный жанр является одним из способов организации знаков (доказательств) в систему, не только стилистическое, но и тематическое единство. Судебная драма, строящаяся в форме диалога сторон, репрезентирует комментируемый мир в мир, где все собеседники взаимодействуют с рассказываемым содержанием, и сами непосредственно затронуты действием [12]. Судебная драма – «расковычивание» того знания о запрете, которое заложено в сознании каждого человека, в ней проговаривается то, что будет сказано и принято за истину о преступлении и воздаянии за него. Судебным

деятелям надо разыграть спектакль, чтобы актуализировать в сознании аудитории те представления о справедливости, правде, добре, которые усвоены каждым сопричастным с повествовательной культурой. Поэтому чтобы быть убедительным юристу необходимо рассказать суду «хорошую историю», связать свою позицию с силами добра, являющимися таковыми в представлении аудитории, задействовать те когнитивные структуры, которые нужно разделить с нею ее представления.

Итак, речевой жанр есть первичное условие уместности судебной речи, как в плане восприятия, так и в плане высказывания, но есть глобальная когнитивная структура, управляющая производством знания в масштабах общества, существующего в определенной системе культурно-исторических координат. Я назвал ее диспозитив. За не имением возможности развить эту тему в рамках данной статьи, ограничусь лишь указанием на то, что его можно уподобить навигационной системе уголовного судопроизводства [13]. Если уголовный процесс – инструмент адаптации общества к условиям существования, то лингво-социо-психическая система, которая объединяет в единый ансамбль мозг, тело и внешнее окружение познающего субъекта, определяет общий контур правильности знания. Коллективные организованные системы, состоящие из взаимодействующих агентов и их окружения являются субъектами познания. Вот это когнитивное устройство познания, отвечающее за возможность производство смыслов в уголовном судопроизводстве (чем и является собственно доказывание), я и предлагаю назвать «диспозитивом». Мы думаем, что оцениваем знание в соответствии с действительностью, а на самом деле наше познание детерминировано культурно закрепленными социально-культурными когнитивными паттернами – языком, правовыми, моральными нормами, предрассудками, стереотипами и т.д., составляющими диспозитив.

В заключение должен констатировать, что когнитивный подход не может исчерпать проблематику судебного доказывания. Причин этому много. Во-первых, уголовно-процессуальное доказывание нельзя свести к информационным процессам нельзя, поскольку – это борьба, война, где

властвуют страсти и аффекты. Когнитивный подход недостаточен для объяснения влияния аффектов, страстей, эмоций, которые неизбежны при расследовании обстоятельств уголовного дела, в ситуации конфликта интересов. Человеческие эмоции, интуиции и креативности далеки от строгой рациональности. Во-вторых, на уголовно-процессуальное доказывание полезно посмотреть, учитывая предпочтения, убеждения, оценки, сформировавшиеся установки конкретного человека, страта, общества. Ценности, идеология оказываются за скобками информационного подхода, а ведь без них уголовно-процессуальное доказывание, как правовой деятельности невозможно. В-третьих, нельзя сводить человеческое к чистой информации потому, что важнейшей чертой человеческого интеллекта является воля. Возможно, с рациональной точки зрения «примеси» в виде идеологии, психологии искажают «объективность» доказывания. Но опыт свидетельствует, что так они есть, и их игнорировать нельзя. Это приводит к необходимости дополнить когнитивный аспект доказывания риторическим. Так что помимо тезиса о стереотипах мышления, которые необходимо задействовать субъекту доказывания, надо признать право на существование в теории доказательств в качестве самостоятельного феномена риторическую аргументацию, где рациональное убеждение сочетается с психическим воздействием. Психологические фоны, очевидно, не имеют отношения ни к логике, ни и к диалектике. Но они оказываются чрезвычайно способными к тому, чтобы быть вовлеченными (в качестве катализатора или тормоза) в процесс судебного доказывания.

[1] Понятие объективной истины значимо лишь в классической философии познания; неклассическая эпистемология использует вместо него «солидарность», «общепринятость» и т.п. Познание не отражает мир, а конструирует. Конструирование есть процесс, который придает действительности вид неразрывного и когерентного целого. Конструирование порождает когерентный, относительный мир. Сконструированная действительность когерентна, поскольку она конструируется как внутренне сопряженная, связанная, в которой изолированное не существует и не может существовать. Конструирование есть процесс, порождающий континуальность и циклическую причинность. Знание и познание являются в высшей степени самоотносимыми, самореферентными событиями. Мы трактуем истину как внутреннюю согласованность, непротиворечивость знаний.

[2] Подробнее эта тема развита в следующих работах: Александров А.С. Язык уголовного судопроизводства. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001; Александров А.С.,

Александрова И.А., Круглов И.В. Назначение уголовного судопроизводства. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2006.

[3] См.: Делез Ж. Фуко (пер. с франц.). – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998. – С. 160-171.

[4] Цит. по: Панич А., Панич Ю. Мозг решает, не спрашивая человека // Новая газета. – 2009. – 27 ноября. – № 132. – С. 9.

[5] Как известно, классическая теория судебных доказательств укоренена в рациональной, эмпирической традиции, заложенной Ф. Бэконом, Д. Локком, Д. Юмом. Взгляды английских эмпириков были полемически заострены против догматизма, но в широком плане – против аристотелевского стиля мышления. Теперь наблюдается возвращение к аристотелевской парадигме: познание и сознание трактуется как деятельность, культурно-историческое.

[6] Психолог Ульрих Найссер показал, что воспринимаемое поступает в мозг не в чистом, первозданном виде, «как оно есть там снаружи», а ложится на предуготовленную схему, которую он назвал форматом.

[7] Сигнал – это любое воздействие, которое передается от одной физической системы к другой. Информация – это изменения, случившиеся под влиянием сигнала в системе-получателе. Когнитивный подход понимает под информацией не любые данные или сведения, но только те из них, которые могут быть интерпретированы человеком. Информация не связана с конкретной личностью; она равно доступна всем, хотя возможности превратить ее в знание у каждого свои, опирающиеся на личный опыт и способности. Смысл – это оценка, которую дает информации мыслящее существо, обладающее сознанием и волей. Смысл есть результат семантического соглашения. Информация не содержится в сигнале, но под его воздействием возникает у получателя. От состояния и способностей получателя она зависит едва ли не больше, чем от самого сигнала. Аналогично и со смыслом: он не содержится в информации, а создается тем, кто ее оценивает. В процессе когнитивной обработки информации происходит извлечение смысла из воспринимаемых стимулов среды. Знание – это освоенная субъектом информация, как на уровне понимания, так и на уровне возможности использования. Знание – это осмысленная, социализированная информация, превращенная в общественное достояние. Очевидно, это имеет место и в уголовном процессе, в процессе познания события преступления. Состязательность открывает субъекту дополнительные возможности, чтобы извлечь из информации, записанной на бумаге или переданной речью, нечто, позволяющее реализовывать человеческую свободу выбора. Так становится очевидной необходимость учета этической, моральной составляющей судебной истины – моральной достоверности.

[8] Эти знания содержат сведения о том, в какой роли кого-либо (что-либо) можно использовать. Процедурная сторона знаний состоит в их прагматичности, в их направленности на использование объектов познания. «Просто данные» имеют место тогда, когда представленное не содержит того, что с ними можно или нужно предпринять. Соединение данных с процедурными знаниями позволяет создать новое знание – факт.

[9] Как утверждает Д.А. Бочаров, к функции доказывания относятся функции замещения реального события знаковым эквивалентом. Д.А. Бочаров, который берет за основу пирсовскую трактовку знака, трактует доказательство как триаду, включающую форму, предмет доказательства и доказательный факт.

[10] Впрочем, и в состязательном процессе имеет место досудебная деятельность сторон по формированию своей доказательственной базы.

[11] См.: Рикер П. Время и рассказ: В 2-х т. – М.–СПб.: «Университетская книга», 2000. – Т. 2. Конфигурация в вымышленном рассказе. – С. 46.

[12] Событие преступления проговаривается в суде, как рассказ о нехватке, желании и возмещении. Перед аудиторией участники процесса осуществляют определенные ходы: это уклонение, помощь, сокрытие, отказ – в общем, борьба. И, в конце, развязка, где зло наказано и восстановлено прежнее договорное состояние, подвергшееся нарушению.

[13] В более полном виде это понятие (как и понятия «нарратив», «судебная драма») раскрыто мной в следующих работах: Александров А.С. Введение в судебную лингвистику: Монография. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2003; Александров А.С. Диспозитив доказывания и аргументация в уголовном судопроизводстве // Российский ежегодник теории права. – № 1. – 2008 / Под ред. д-ра юрид. наук А.В. Полякова. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2009. – С. 473-497.